

Слыша мерный топот копыт, Су Дашань мгновенно открыл глаза.

Крепко сжав лук, он бесшумно пробрался к краю просёлочной дороги и припал к земле. Звук приближался. Вскоре мимо пронёсся отряд конных воинов, направляясь в сторону уездного города.

Су Дашань предположил, что это прибыл отряд по набору рекрутов. Но почему их так много? Обычно за указами приезжали четыре-пять человек — уезд невелик, да и деревень в округе немного. А сейчас их было не меньше сотни, причём все — вооружённые солдаты.

Вернувшись к обозу, он застал охотников, что шли в арьергарде, уже на ногах. Чжан Ху, сжимая в руках тяжёлый тесак, спросил:

— Слышал топот?

Су Дашань помрачнел:

— Около сотни солдат. Направились к уезду.

Чжан Ху взглянул в сторону города:

— Сотня человек... Похоже, будет принудительная мобилизация. Видимо, слухи о том, что в этот раз откуп не примут, оказались правдой. Хорошо, что Сюбо предупредил нас заранее.

Су Дашань подошёл к голове колонны, где Су Му уже разговаривал с младшим сыном старосты, Сюбо. Узнав о сотне солдат, Сюбо покачал головой: мобилизация грозит обернуться кровавой бойней. Су Му решил, что теперь нельзя оставаться на просёлочной дороге — даже ночью это небезопасно, лучше пробираться горными тропами. Иначе, если их обнаружат, мужчин заберут силой. Остальные согласились, и Сюбо поспешил передать решение отцу.

Когда стемнело, староста разбудил людей. Все поспешно перекусили и начали собираться. Су Наньсин выбралась из повозки под предлогом нужды и, уединившись, воспользовалась пространством, чтобы умыться и почистить зубы. Она наполнила бурдюк водой из духовного источника, разбавив её обычной горной водой, чтобы при случае напоить родных.

После скудного ужина отряд двинулся в путь. Су Наньсин сидела справа, а Су Му правил лошадьми. Из их разговора она узнала о сотне солдат и о том, что теперь придётся идти через горы. Путь был тяжёлым, повозку нещадно трясло. К тому же, чтобы не выдать себя, они не зажигали фонарей и полагались лишь на тусклый свет луны. Отряд двигался медленно, а разведчикам, прокладывая путь, приходилось совсем нелегко.

Ближе к полуночи сделали привал. Внезапно откуда-то донеслись сдавленные крики и плач. Звуки были неясными, но от них у Су Наньсин по спине пробежали мурашки. Раз уж она сама попала в этот мир, кто знает, может, здесь и правда водятся призраки? Многие в деревне тоже слышали это и, прижавшись друг к другу, замерли в испуге.

Дед Су припомнил, что неподалёку должна быть деревня. Староста попросил его сходить на разведку. Су Наньсин, снедаемая любопытством, увязалась следом — на случай, если деду понадобится помощь, она могла бы спрятать его в пространстве.

Троица поднялась на вершину холма и увидела внизу огни: небольшая деревня была окружена. Старший сын старосты, Ли Шаньхэ, озадаченно прошептал:

— Дядюшка Су, неужели это бандиты?

Су Наньсин почувствовала, что это не так: бандиты не стали бы действовать так методично. Похоже, они целенаправленно хватали людей.

— Это же мобилизация! — внезапно осенило её.

Ли Шаньхэ округлил глаза:

— Мобилизация посреди ночи?

Дед Су скомандовал:

— Шаньхэ, возвращайся и доложи остальным. Мы с Наньсин спустимся к подножию, присмотримся.

— Хорошо, дядюшка, только будьте осторожны.

Ли Шаньхэ тихо отступил, а дед с внучкой двинулись вниз. При лунном свете идти было нетрудно. Дойдя до середины склона, они притаились в зарослях. В свете факелов было видно, что воины в одинаковой форме окружили дома. Двое всадников на крупных конях то и дело вскидывали сабли, что-то выкрикивая.

Плач доносился от женщин и детей. Они не хотели отпускать мужей и отцов, но были бессильны. Су Наньсин видела, как кто-то попытался бежать в горы, но всадник хладнокровно пристрелил его из лука. Семья упала на труп, рыдая, но сопротивляться не смела — безоружных ждала лишь смерть. Солдаты методично обходили дом за домом, забирая мужчин. Вскоре деревня опустела, остались лишь старики, женщины и дети, оплакивающие своих близких у ворот.

Вернувшись, дед Су рассказал обо всём. Хотя многие и так слышали плач, теперь стало ясно: это не разбойники. Разбойники не побоялись бы проклятий, но люди боялись гневать власти. Известие о том, что солдат стреляет в безоружных, повергло всех в ужас. Как хорошо, что они ушли заранее! Иначе завтра мобилизационный отряд добрался бы до Персиковой деревни.

Их опасения оправдались: солдаты прибыли раньше. В три часа ночи, пока жители Персиковой деревни спали, отряд окружил дома.

— Господин, эта деревня какая-то пустая, многие дома стоят открытыми.

— Видимо, пронюхали и сбежали. Неважно, наша задача — набрать людей.

— Слушаюсь!

Лю Сяохуа спала крепко. Хотя ручей в деревне пересох, их семья захватила лучшие поля и теперь почиталась чуть ли не помещиками. Когда дверь выбили, она открыла глаза и увидела лезвие сабли у своего горла.

— Мобилизация! Остальным не вмешиваться!

Она не смела пошевелиться, глядя, как солдаты уводят Су Шувэня. Тот совал им серебро, умолял взять двойную плату, но солдаты, забрав деньги, всё равно потащили его прочь. Как только они ушли, Лю Сяохуа выбралась во двор. Невестки рыдали, прижимая к себе внуков, пока солдаты с силой отшвыривали их в сторону.

Когда обоих сыновей увели, Лю Сяохуа впала в оцепенение. Почему никто не предупредил? Почему взяли деньги, но не отпустили людей? Почему пришли до рассвета? Невестки тянули её за рукава, спрашивая, что делать. В доме не осталось ни одного мужчины — даже бежать не с кем, да и в борьбе за остатки воды они не выстоят.

Выйдя на улицу, она увидела, что у соседей та же беда. У ворот деревни собралась толпа. Лю Сяохуа заметила, как богачи из семьи Ван передали солдатам пачку векселей. Офицер принял деньги, но не спешил отпускать людей. Семья Ван добавила ещё векселей и преподнесла свиток с картиной. Только после этого офицер махнул рукой, и их мужчин вернули.

Лю Сяохуа всё поняла: откуп был возможен, просто денег не хватило. Семья Ван выдала дочь замуж в уезд, они могли себе это позволить, остальные — нет. Она горько пожалела, что не ушла со старостой.

Всех мужчин от пятнадцати до пятидесяти лет забрали. Даже если в семье уже взяли троих, забирали всех, кто подходил по возрасту. На мольбы о пощаде солдаты отвечали лишь, что служить обязаны все. Лю Сяохуа почувствовала странное облегчение: теперь у всех в деревне одинаковое горе, ни у кого не осталось мужчин. А старики и дети в безопасности. Успокоив невесток, она обрела призрачную надежду: внуку уже десять, скоро подрастёт.

Она не знала лишь одного: скоро придут беженцы. Эти люди, восставшие против властей, были далеко не беззащитны. Даже старики и дети среди них, сумевшие дойти до Персиковой деревни, были закалены лишениями. Староста предупреждал, что беженцы обычно идут к городам и им нечего есть, но вскоре жители деревни поймут, насколько безумными могут быть эти люди.